Русская
Зарубежная
поэзия

— 3 —

Лидия Алексеева

ЛЕСНОЕ СОЛНЦЕ

стихи

«Посев»
1954

Лидия Алексеева

ЛЕСНОЕ СОЛНЦЕ

стихи

— Посев —
1954

Possev-Verlag, V. Goraschek K. G., Frankfurt/Main

* *
*

Я привыкла трястись в дороге,
И не будят тоски во мне
Спящий кот на чужом пороге
И герань на чужом окне, —

Но молюсь, как о малом чуде,
Богу милости и тепла,
Чтоб кота не вспугнули люди
И чтоб жарче герань цвела.

* *
*

Хорошо бы снова
Стать веселой деткой —
Прятаться от няни
За сквозной беседкой;

Сторожа лягушек
Над прудом атласным,
Уронить в крапиву
Мячик — синий с красным, —

И, ожегши пальцы,
Жаловаться маме
Светлыми, большими
Детскими слезами.

* *
*

Склянки над бухтой знакомой,
Чайки, дельфины, буйки...
Дом, называемый «дома»,
Многим домам вопреки.

Запах полыни, арбуза,
Моря, смолы и тепла,
Где босоногая муза
Первой подругой была.

Помнишь, стояли с тобою,
Муза, в идущей волне?
Рифмы, как шелест прибоя,
Свежие плыли ко мне.

В бухте играли дельфины,
Черным мерцая горбом...
Странно с далекой чужбины
Глянуть в разрушенный дом.

Слышишь, сквозь грохоты шквала,
Видишь, за безднами вод, —
То, что разрушено — встало,
То, что умолкло — поет.

ЯЛИК

Там, где лодки на причале
Чуть поводят сонным дном,
На песке смоленый ялик
В блеске черном и тугом.

Бьет о берег влажным хрустом
И назад шипит прибой.
Теплый воздух пахнет густо
Высыхающей смолой.

Пахнет сочно, пахнет звонко, —
Черным блеском говоря
Сердцу чайки и ребенка,
Ялика и дикаря.

В ЗАХОЛУСТЬИ

За черешнями свежеющего сада
Золотая облачная стыль.
Промычало, протопталось стадо,
Поднимая розовую пыль.

У калиток, меж крапивы чахлой,
Поплескали звездчато водой, —
Беглым ливнем улица запахла
И молочной сладостью парной.

Замутился рдяный жар стекольный,
Острой струйкой зазвенел комар . . .
И неспешно с выси колокольной
Медным яблоком упал удар .

* *
*

Так тебя нетерпеливо,
Весело и тайно жду —
Словно вместе крали сливы
В вечереющем саду, —

И теперь в мою неволю,
В утомительную ложь,
Ты мне краденую долю
Непочатою несешь!

ВЕЧЕР

Солнце ниже, ласковей, янтарней...
В нем медовое дыханье лип,
Теплый запах хлеба из пекарни
И дверей ее певучий скрип.

Печь внутри пылает зевом красным
Ярче, ярче... И блеснет тогда
В небе обесцвеченном и ясном
Легкой каплей первая звезда.

Перед сном скликаясь в гуще сада,
Защебечут разом воробьи
И уснут. И с медленной отрадой
Мирный день сомкнет глаза свои.

* *
*

К земле приникнув, теплой и шершавой,
Пью мягкий шорох ветра надо мной.
Так тонко пахнут сохнущие травы —
Ушедшим детством, счастьем, тишиной —

Всем, что в потемках жизни растеряла —
И вот вдохнула в травяном тепле.
Ведь мне, покорной, надо очень мало
Для грустной благодарности земле.

* *
*

Ежевика, комары,
Теплый рокот грома;
В роще крики детворы:
«Дома, дома!»
Дома?..

Нет, такому не бывать,
Все взлетело дымом.
Не мечтай, моя тетрадь,
О неповторимом.

СЕСТРЕ

Промолчав, улыбнешься мне:
Не ответишь ненужно-резко.
У тебя цветы на окне
И узорная занавеска.

Хорошо с тобой отдохнуть,
Помечтать в кружевном затишье, —
И опять в мой жестокий путь,
И опять все круче и выше...

Голубеет моя гора,
Встал туман прохладный и тонкий.
Вот и ночь. Помолись, сестра,
О твоей бездомной сестренке.

* *
*

От жизни отойдя в сторонку,
Ее, как поезд, пропустив,
Я проводила тех, кто жив,
Платочком помахав вдогонку.

Так тихо на пустом перроне.
Быть может поезд был во сне?
И ты, в исчезнувшем вагоне,
Как он, как жизнь, приснился мне?

* *
*

Адам и Ева изгнаны из рая
В пределы скорби, страха и забот.
Здесь смертью веет тишина ночная
И солнце лаской смертоносной жжет.

Весь дикий мир дарован им на муку,
На черный труд. А горестный покой, —
Когда сжимаешь любящую руку
Усталою и любящей рукой,

Когда без слов всю душу отдавая,
Родным и скудным греешься теплом, —
Последний дар утерянного рая
В огромном одиночестве земном.

* *
*

Дни летят, летят — не уставая,
Сталкиваясь, падая, спеша —
А за ними еле поспевает
Словно изумленная душа,

И беспомощно влачится с ними
То в надежде робкой, то в тоске,
Как котенок на весенней льдине
В черной и взволнованной реке.

* *
*

Догорали елочные свечи,
Пахло воском и паленой хвоей.
На дворе был светлый, синий вечер,
Озаренный снегом и луною.

Там, в морозной тишине, далёко
Поезда колеса простучали...
Я одна, но я не одинока —
Ты всегда со мной в моей печали.

* *
*

Остановилось солнце надо мной
В молчании горячем и блаженном.
День светится сухой голубизной
И пахнет роща теплым, легким сеном.

Стучится дятел в гулкую кору,
И стрекоза на стебельке застыла...
Так странно знать, что скоро я умру,
Что я умру — и будет все, как было.

И маленький, упрямый муравей
Оступится под тяжестью былинки,
Переползая след ноги моей,
Последний след на солнечной тропинке.

И на коре березы волос мой
Все будет виться и дрожать, играя,
Меня последней ниточкой живой
С оставленной землей соединяя.

* *
*

За мной гудок стремительный и грубый,
Упругий гул — посторонись! Сотру!..
Ты вся откинулась. Раскрыты губы,
И пестрый шарф трепещет на ветру.

И нет тебя. Лишь черная долина,
Да горный кряж в пылающей красе,
Да пыльный запах теплого бензина
Над призрачно белеющим шоссе.

ДАЛМАЦИЯ

Здесь море дышит тяжкой синевой —
В текучих блестках солнечного крапа.
Над ним обрыв рыжеющий. С него
Агава свесилась когтистой лапой.

Все то же небо знойно голубое
В зубцах, в бойницах крепостной стены, —
А там, внизу, — то белый взрыв прибоя,
То миг солоноватой тишины.

И в тишине — прозрачный, легкий звук
Далекой песни, тающий, как эти
Живые брызги на песке столетий,
Как горизонта синий полукруг.

В ДОРОГЕ

В соснах солнечного сада
Разорвалось сердце звоном, —
Сохнет мертвая цикада
На пороге раскаленном.

Но душа ее в напеве
Из скорлупки вышла тесной,
И теперь звенит на древе
Нашей родины небесной.

* *
*

Тонкий посох в руках, надо мной
голубая пустыня,
Ветерок в волосах, и весь мир —
как родная страна:
Только в нем ничего - ничего
не имея отныне,
Я впервые любить его мыслью
и сердцем вольна.

Как росистый листок, отделенный
от ветки осенней,
И свершающий в солнце последний,
чудесный полет,
В свете славы Твоей так скольжу я,
подобная тени,
Но весь мир в моем сердце пылающей
каплей цветет.

*   *
*

Лег черной глыбой, грубой и сырой,
Обломок горный в белом водопаде,
И расчесал седое серебро
На две живых, на две кипящих пряди.

Разорванные грузною скалой,
Они сольются снова в пенном звоне,
Чтоб унести стремительно и зло
Свой зыбкий бег от каменной погони.

Но недвижим обломок древних гор,
Упрямо вросший в грохот и струенье, —
Как в вечность устремленный взор
Поверх земного, тленного цветенья.

* *
*

Раскрыв тяжелый, старый чемодан,
В его морщинистой и проржавевшей пасти,
В пыли и мусоре, я обрела роман, —
Он начинался прямо с пятой части.

Старинный перевод. Звучал его язык
Чуть-чуть неточно, важно и манерно.
Вот кто-то подчеркнул: «любовь — роскошный миг» —
И четко приписал: «Увы, как это верно».

А в тонкой затхлости слежавшихся страниц
С зачитанными мягко уголками —
Сухая роза дедовских теплиц
Прозрачными крошилась лепестками.

* *
*

На дне морском, куда не смеет луч
Свое легчайшее просеять пламя,
Лежит три века исполинский ключ
От крепости, разрушенной врагами.

Но ключ не знает. Он, считая дни,
Ждет мужа, облеченного в порфиру...
Так сердце верность тщетную хранит
Уже не существующему миру.

ГОД

Я люблю оборот многоцветной твоей карусели,
Год земной, золотой и зеленый и белый,
как лунь, —
Бури терпкого марта, цветущие вишни в апреле,
Пьяный, солнечный май и спокойный
зеленый июнь.

Будет рушить июль свои жаркие грозы
нещадно,
И медвяный и светлый струиться из августа
сок,
И сентябрь подойдет, и тихонько рукою
прохладной
Он приспустит на небе сияющих дней колесо.

И сквозь иней еще просияет прощально природа
Золотым октябрем, ржавым пурпуром листьев
горя,
И как долгие, долгие сонные сумерки года,
Будут биться и плакать и мерзнуть дожди
ноября.

Закружатся снежинки бесшумною, белою
пляской,
И рождественской елкой запахнет декабрьская
мгла,
И мохнатый январь, новогодней пленяющий
сказкой,
Будет виснуть сосулькой за льдистым
рисунком стекла.

Будут пышны сугробы и сини студеные тени,
Будут яркими искры и звонкой морозная
сталь...
И сквозь белую смерть, сквозь глухую метель
сновидений,
Как ребенок во сне, шевельнется несмело
февраль.

* *
*

Деревянной кончил точкой
Дятел выстуки свои.
По стволу сквозной цепочкой
Заструились муравьи.

Прямо в легкую страницу
Бухнул ошалевший жук, —
Только лень пошевелиться,
Не поднять блаженных рук.

Мягкий ветер влажно-нежен,
И суставы все полны
Этой солнечной и свежей
Сладкой тяжестью весны.

* *
*

Сизый дым облаков
По весеннему небу ползет.
Влажный шорох кустов,
Мокрый лепет деревьев растет, —

Косо хлещет, шипит,
Нарастает упругая мощь,
В черных лужах кипит
Пузырьками плывучими дождь...

Вдруг — покой, ветерок,
Золотистого света волна,
В мокром блеске дорог,
В ярких каплях весны — тишина;

Выше ласточек лёт
И звонче детишки кричат,
А у самых ворот
Две лазурные лужи стоят.

ВЕСНА В БОЛЬНИЦЕ

Зазвенело капелью с утра, воробьи затрещали,
Небо приторно-сине, до боли, прилипло к стеклу.
Из палаты напротив — носилки, мертвец.
Циан-кали...

Кто-то шторку отдернул, и солнце легло на полу.
Вот несут через двор, через снег, как-то тупо
кивая всем телом.
Говорят — молода, хороша; говорят — только
жить да плясать.
Все весна. От нее в голове и в груди опустело,
Снова слабость, озноб, и в кривой — тридцать
восемь и пять...

Все сиделки сбежали. Флиртуют опять
с санитаром...
Вон белеют на солнце, смеются, галдят на крыльце,
Как здоровы, как грубы, как все это пошло и старо!
Позвонить? Помешать? Боже, сколько досады
в лице!

Оторвали от солнца, зовут к опостылевшей клетке.
Стынет скука в глазах: «Капли, грелку?» бежит
принести.
В одеяло уткнешься, шерстит... Слезы солоны,
слабы и редки...
Хоть бы кто приласкал. Не пускают. От трех
до пяти.

* *
*

Пень и ромашка. Убитая птица
Плоско припала к земле:
Ветер вчерашний высокий ей снится,
Пух ворошит на крыле.

Липко толкутся зеленые мухи
К сладости смертного сна...
В сочной крапиве и в пепельном пухе,
В теплом пеньке — весна.

* *
*

На серой туче — дерево в цвету,
На тяжкой влаге — розовые ветки...
Вот капнул на щеку, разбился на лету,
Залепетал крупнеющий и редкий,

И так запахла черная земля,
Такою свежей сладостью и силой —
Над чуждым городом. Над башнями Кремля.
И над твоей потерянной могилой.

* *
*

Пахло сыростью свежей, грибной
И мохнато-корявою чащей...
Каждый шорох сбирала лесной
Тишина в кузовок шелестящий.

Расступились стволы, не спеша,
Пни накренили сизые плешки,
Любопытством веселым дыша,
Розовели во мху сыроежки.

За прозрачной и зыбкой листвой
Зеленело прохладное солнце —
И один только луч огневой
Упадал в голубое оконце.

Сух и жарок был светлый поток —
И его золоченою пылью
Заплутавший степной мотылек
Полоскал свои зябкие крылья.

Свежей сыростью пахло в лесу.
Тишина обходила дорожки.
Мне казалось — я душу несу,
Словно птенчика, в сжатой ладошке.

А когда на опушке, у пня,
Теплый ветер навстречу мне хлынет, —
Серый птенчик порхнет от меня
И растает в пылающей сини.

В ЛЕСУ

Не боюсь ни растрепанных леших
Ни зеленых болотных чудес, —
Словно крепкий кедровый орешек,
Пахнет солнцем полуденный лес.

Я иду и ладонью ласкаю
Розоватые сосен стволы,
В липких пальцах, как воск, разминаю
Удлиненные капли смолы.

Вдруг зажмурюсь на яркой полянке,
Травы теплые бережно мну...
Тонконогой и влажной поганке,
Словно старой знакомой, кивну.

Сбросит белка упругую шишку,
Сочно стукнет меня по плечу, —
И — по веткам, комочком, вприпрыжку...
И я быть этой белкой хочу.

ГРОЗА

Далекий гром, как встрепанный медведь,
Ворочался в глухом берложьем гневе.
Скользила зыбь по выжженной траве
И содрогались шорохом деревья.

И мгла сгустилась — и удар упал,
Короткий, ослепительный и грубый;
Ему навстречу радостно слепа
Земля раскрыла жаждущие губы.

И шумный ливень рухнул и приник,
Запах листвою резаной и свежей,
И вымыл корни, и насытил пни,
И ослабел — стал ласковее, реже.

Затих совсем. И над сияньем луж,
И над узором млечно-рыжей пены —
От ветки к ветке, от ствола к стволу
Плыл ветерок прохладный и блаженный.

ЛЕТО

Арбуза розовая плоть
В седых крупинках влаги,
И хлеба черного ломоть
Над ручейком в овраге.

Короткое блаженство сна,
Горячий ладан хвои...
А с неба — зной и тишина,
Дыханье огневое.

Но Кто-то в серой синеве,
В молчаньи благосклонном,
Внимает, как в сухой траве
Сверчки исходят звоном.

Мне кажется — звеню и я,
И я — сверчок сегодня,
Вкусивший солнца бытия
Из пригоршни Господней!

* *
*

Белый камень горяч и покат,
Море шепчет все мягче и глуше...
Рядом старый смоленый канат
Свои петли удавные сушит.

Я в шершавую петлю уткнусь,
Укрываясь от синего зноя.
Свеж и груб ее запах. И грусть
Ветерком полыхнет надо мною.

Ты, размытый прохладой зыбей,
Ты, скитавшийся в море далече,
Ты, разлуку избравший себе
Для стократ возмещающей встречи,

Ты, овеявший бурей круги,
Побелевшие серо и чисто,
Ты, летавший арканом тугим
Обнимать долгожданную пристань, —

Расскажи, что почувствовать мог
В час, когда подплыла величаво,
Словно каменный теплый цветок,
Золотая вечерняя гавань;

И еще, если можешь, скажи —
Если есть этим мигам названье —
Как ты мог, как ты мог пережить
Смертоносное счастье свиданья?

ПОСЛЕ НАЛЕТА

Ударом срезана стена —
И дом торчит открытой сценой
Для улицы, где — тишина
Под ровно воющей сиреной.

Отбой... Но лестница назад —
Лежит внизу кирпичной грудой,
И строго воспрещен возврат
Наверх, в ушедшее, отсюда.

Смотри, на третьем этаже
Вся розовая, как в Помпее,
Раскрыта комната — уже
Не смеющая быть моею.

В сквозные окна льется свет,
Стоит на полке том Шекспира,
И на стене висит портрет
И смотрит из былого мира.

Мне не войти туда, как встарь,
И не поправить коврик смятый,
Не посмотреть на календарь
С остановившеюся датой...

...А здесь, внизу, под кирпичом,
В сору стекла, цемента, пыли, —
Квадратный детский башмачок
Который ангелы забыли...

* *
*

Твердый угол чемодана.
Пальцы в рукава.
Крепкой дробью барабанной
Бьется голова.

И колес внимая бреду,
Вытканному тьмой,
Я опять куда-то еду —
Только не домой.

«Прочь от цели, прочь от цели» —
Мне бормочет бред...
Дни, века, года, недели?..
Сроков больше нет.

ЗИМА НА БРОДВЕЕ

Ветер мусор несет по Бродвею. Дрожит негритенок
И сосет почерневший на пыльном морозе банан.
Веет ветер с Гудзона — и мечутся чайки, и тонок
Над свинцовой рекой океанский соленый туман.

В нем прошел пароход, заржавелый, мечтая о доке,
Взбил недолгую пену усталой и круглой кормой...
Вот неоновый бар — апельсиново светятся соки.
Мальчик в клетчатой блузе вприпрыжку несется домой.

На киоске газеты кричат чернотой заголовка
О разводе актрисы — и шепчут, что сдали Китай...
А в окне небоскреба булавочной смотрит головкой
Кто-то верящий в мир, демократию, будущий рай.

В БРАЙАНТ - ПАРКЕ

Подводным светом голубеют бары,
То вспыхнет пурпуром, то гаснет вход,
А ветер, подметая тротуары,
Поземку черной копоти несет.

И глядя сквозь мерцающие двери
В тепло и свет и молодость свою,
Уснул бродяга в облетевшем сквере,
Скользнув лицом на темную скамью.

ДОМ НА МАНХЕТТЕНЕ

Над двором, прямоугольной бездной,
Тусклый дом безрадостно возник,
Перечеркнут лестницей железной,
Словно неудачный черновик.

Но за мутью всех незрячих окон,
Слой над слоем и из года в год,
Кто-то вьет свой человечий кокон,
Кто-то плачет, курит и поет.

Чье-то сердце там упрямо бьется,
Чьи-то в копоти цветут мечты...
А на дне бетонного колодца
Бродят одичалые коты.

Забытая газета под скамьей;
Ее листает перелетный ветер,
Чуть шелестнув передовой статьей.
Что ветру в человеческой газете?

Шныряет белка в легкой скорлупе,
Напрасно ищет съеденные зерна, —
А я одна бреду в чужой толпе,
Ища, как белка, тщетно и упорно.

И думаю — быть может, я слепа?
Быть может, это братья, а не тени?
Но прошлого сухая скорлупа
Хрустит в ответ, хрустит листом осенним.

МОЙ ТИРОЛЬ

Дыханьем пью твой ветер, высота,
Что облаков касается крылами...
Здесь так прозрачно солнечное пламя,
А тишина блаженна и чиста.

Лишь медный колокольчик иногда
Бренчит внизу переходящим звоном,
Там, по уступам, по зеленым склонам,
Где ползают далекие стада.

А здесь, у солнцем выбеленных пней,
Где низки травы и цветы их дики, —
Коралловые бусинки брусники
В ладони собираются моей.

И, как монах, что шепчет древний стих,
Роняя четки струйкою янтарной —
С молитвою простой и благодарной
Тебе, Господь, я посвящаю их!

ГОРНАЯ ПОРУБКА

Вот сливочные, длинные — по склонам
Повержены, разделаны стволы, —
И пахнет кедром, ладаном, лимоном
Роса светло сочащейся смолы.

К земле любимой, каменисто-бурой,
В последний раз припали тяжело...
От содранной коры — от снятой шкуры —
Идет живое, древнее тепло.

Тропинка вся в еловых колких лапах,
Мелькают шишки в тесной чешуе, —
Такой рождественский, щемящий запах,
Что дышишь детством в легком забытье...

В долине, в дымке, блеск речных излучин,
Голубизна слоящаяся гор.
И, с тишиной высокой неразлучен,
Упрямым дятлом звякает топор.

ЛЕСНАЯ ИЗБУШКА

Избушка с высоким крылечком
На свежей, дремучей поляне,
И вырез на ставнях сердечком, —
Как пряничный домик у няни.

А если к обшивке из дранок
Прижаться доверчиво носом,
То пахнет и сухо и пряно —
Корицей и солнцем и тесом.

Мозаика крепких дровишек
У леса, наколотых мелко.
И в грозди коричневых шишек.
Висит любопытная белка.

А пышные ели опушки
Придвинулись нежно и тесно,
Чтоб тихой не выдать избушки
Не знающим сказки чудесной.

ОСЕНЬ

Вот осень подошла: листы считая,
Под кленом облетающим стоит.
С атласным шорохом воронья стая
Над пахотой развернутой летит.

В деревне мирно топчутся коровы,
И пахнет хлевом, теплым молоком,
Листом опавшим, пахотой лиловой,
Дровами, сеном, грушами, дымком . . .

Так мягко небо в пасмурных разводах, —
Тепло и грустно в мире и во мне . . .
Он подошел — земли желанный отдых,
Забывшей тихо о своей весне.

* *
*

Подушку мха беззвучно оторвав,
Я черный плат земли нашла под нею —
И наклонившись, медленно пьянею
Прохладным соком нерожденных трав.

Смотрю, как нежная лесная тля
На корешок вползает невесомо, —
И, как она, в лесу я тоже дома,
И, как она, одно с тобой, земля!

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Сереющая в облачном тумане,
Поленница на вырубке-поляне
Благоухает чисто поутру;
И мелко шепчет дождь в бору пустынном,
И я бреду по скалам и ложбинам,
Как лешачиха, в призрачном бору.

А завтра, в ясном розовом рассвете,
Разоблаченные вершины эти
Вдруг ровно вспыхнут острой белизной —
И крепкий холод молодого снега
Прозрачным ветром скатится с разбега,
В тепло долины поспешив за мной.

ЗИМА

Взметнулся лыжник и исчез, —
И над двойным скользящим следом
Сомкнулся глухо белый лес
Коралловым морозным бредом.

Но вот на синеватый наст,
Сквозящий в солнце аметистом,
С еловой лапы съехал пласт
И развалился прахом льдистым;

И ель вздохнула глубоко,
Упруго ветку разогнула,
И солнцу низкому легко
С приветом лапу протянула.

* *
*

Посмотри налево, посмотри направо —
Никого на дорожке, только елки одни, —
Отломи от сугроба кусочек шершавый
И с атласного склона столкни:
По бороздке голубой,
Обрастая сам собой,
Быстро, в искрах, удаляясь,
В ленту стежную мотаясь,
Кувыркаясь кругло, прытко,
Докатился, лег, —
Как усталая улитка,
Снежный завиток.
И никто не смотрел ниоткуда
На веселое чудо, —
Только я да синицы да ели,
Затаив дыханье, глядели
На его полет.
Но ведь мы не в счет?

* *
*

Лужи мягко подтаяли к полночи,
Утром снова ушли под кристалл, —
На душе и в лесу было солнечно,
Тихий, чистый мороз не мешал.

И на склоне под буквами голыми
Рыжий лист посветлел и обсох —
В нем шуршала ногами веселыми,
Раскрывала оливковый мох...

И прозрачно синица чирикала,
Легкий мусор роняя с ветвей.
Это были от жизни каникулы —
От заботы моей. И твоей.

МОЕЙ ЕЛИ

В памяти горек и крепок, —
Просто забыть не могу, —
Запах оранжевых щепок
В сером, зернистом снегу.

Запах встревоженной чащи,
Свежих растоптанных хвой;
Ствол, на поляне лежащий,
Ствол опрокинутый твой...

Долго стояла, не веря,
У опустевшего пня, —
Словно любимого зверя
Кто-то убил у меня.

ЛАВИНА

Весь пестрый лес от солнца и от снега,
От сумрака и от проталин черных...
Из чащи треск испуганного бега —
Быть может, коз, быть может, духов горных?

Оборвалась подмокшая лавина
И, о стволы свой натиск разбивая,
Вся в брызгах низвергается в долину,
Скача, крутясь, пьянея, как живая...

И вот легла — крутой и пестрой грудой, —
Вся в бурых листьях и в щетине хвойной, —
А в мертвых льдинках солнечное чудо
Сияет влажно, весело и знойно.

* *
*

В Кайзертале синеют пролески,
Воздух свежим теплом напоен,
И кудрявится в солнечном блеске
Весь от вереска розовый склон.

Все дела с их земною корыстью
Позабуду — и слышится мне:
Шепчет ветер сквозь бурые листья
О желанной и близкой весне.

И о том же, упавший с разбега,
Ручеек над ущельем поет,
И над серыми пятнами снега
Первой бабочки пьяный полет.

* *
*

Я в лесную часовню зашла помолиться
И неловко присела на твердой скамье.
В голых буках звенели весенние птицы,
Бились хрупкие льдинки в холодном ручье...

Я сказать ничего не сумела Мадонне,
Подошла — и забыла святые слова, —
Но подснежник, что вянул на теплой ладони,
Положила у гипсовых ног в кружева, —

Весь зеленый и белый ,с оранжевым глазом,
Удивленно расцветший над черным ручьем.
Пусть заменит он Ей своим светлым рассказом
Неумелую повесть о счастье моем.

ВСТРЕЧА

Оттаяла горная тропка,
Но лес еще светел и пуст.
Желтеет сережками робко
Прозрачный ореховый куст.

Крадусь — и боюсь оступиться,
Глотаю взволнованный вздох:
Как ярок под козьим копытцем
На солнце дымящийся мох!

Вот чуткая дрогнула шея,
Глядит широко, не дыша...
Чуть пепельных веток рыжее,
Как горный цветок — хороша.

Мгновенье — метнулся летящий
Стрелою из лука прыжок,
Провеял по солнечной чаще
Точеных копыт топоток...

Как взгляд ее теплый и дикий
Раскрылся в смертельной игре.
...Оглоданный кустик черники.
Шерстинки на грубой коре.

* *
*

Клок облака в ущелье на рассвете
И розовое солнце поутру.
Избушка над обрывом. Чистый ветер.
И зыбкий блеск березок на ветру.

Здесь отдохну — на солнечном пороге
Чужой избушки, и пойду опять
Во мшистом сумраке лесной дороги
Мои грибы и песни собирать.

* *
*

Там, внизу, в городке счастливом
В полдень молятся колокола...
Здесь ползут по жарким обрывам
Сосен бронзовые тела,
Извиваясь в змеиной хватке,
Повисая над крутизной.
Я на вересковой площадке
Под такою сижу сосной.
Рядом — рыхлый и теплый конус —
Муравейник под солнцем спит, —
Но тихонько рукой дотронусь —
Словно шелком зашелестит;
И вскипая, как бисер черный,
В битву ринутся муравьи —
Побегут щекоткой проворной
И вопьются в пальцы мои.
Я разгневанных осторожно
С пальцев на-землю отряхну.
Надо знать, под какую можно
На горе садиться сосну;
И что в древнем лесном законе
Человек — самый страшный зверь...
Долго будут пахнуть ладони
Муравьиным спиртом теперь.

ПОДБЕРЕЗОВИК

Там, где бурый пень, как медведица,
На малинник теплый забрел,
В низком ельнике нежно светится
Черновато-молочный ствол.

А из наста хвой смугло-розовых,
Гладко слежанных зимним сном,
Встал на цыпочки подберезовик,
Словно пойманный солнцем гном.

ПО ГРИБЫ

После грозы, разразившейся днем,
Чистая звездная ночь за окном.
Капли, срываясь, лепечут в саду...
Я по грибы на рассвете пойду, —
Влажной тропинкой, в сырой тишине,
С облаком, спящим на сизой сосне.
Где у часовни под липой скамья —
Весело встретимся — солнце и я.
В первом тепле на скамье отдохну —
Облако тихо покинет сосну,
К легкой и новой плывя синеве.
А на опушке, в блестящей траве,
За ночь пробьется в зеленую брешь
Рыжик — молочно-оранжев и свеж.
Капля во впадине шляпки легла —
Так маслянисто и нежно кругла...
Пальцы зарою в сырую траву —
Ножку нащупаю, выну, сорву...
И приложу осторожно к губам,
Солнцу смеясь, и земле, и грибам!

ГОРНЫЙ ДОЖДЬ

Весь лес дымится, капая, шурша,
Сквозя струящимися облаками.
Ручей с горы навстречу мне спеша,
Промыл тропинки выщербленный камень.

И грохотом сорвался водопад,
Плеща по скалам влажной, белой пылью...
Промокший лес так пасмурно мохнат,
Весь напоен грибной пахучей гнилью.

На перевале рвутся облака,
И солнце льется в мир сырой и тесный.
И в ветре — запах хвойного дымка,
И горных трав, и свежести небесной.

Так нежно-жарок солнечный припек,
Так ветерок тепло ласкает губы,
Когда, присев на сохнущий порог
Пастушьего заброшенного сруба,

Я вниз смотрю, где облачная мгла
Колеблется медлительно и вяло, —
Она лежит, сияюще-бела,
Упавшим на долину покрывалом...

Внизу томится тленная тоска
И словно тянет щупальца к вершине.
Я счастлива так солнечно и сине —
Я не хочу спускаться в облака.

* *
*

Лес рубили — и все зверье
Дальше в горы ушло пугливо.
И я знала — счастье мое
Так же срубят — и вниз с обрыва!

Не останется даже пня
В тихой чаще моей любимой,
Чтобы вспомнило про меня
То зверье, возвращаясь мимо.

И от ладана свежих смол,
От прохлады высокой чащи —
Счастье мертво, словно ствол,
Увезет грузовик пылящий.

* *
*

В последний раз целует ветер горный
Мои глаза, горячие от слез —
В последний раз смотрю на кряж узорный
Сквозь хохот убегающих колес.

Смотри, смотри — недолго длиться чуду:
Еще один скалистый поворот —
И мой Тироль, подобно изумруду,
С ладони жизни в память упадет.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Я привыкла трястись в дороге 3
Хорошо бы снова 4
Склянки над бухтой знакомой 5
Ялик 6
В захолустьи 7
Так тебя нетерпеливо 8
Вечер 9
К земле приникнув, теплой и шершавой 10
Ежевика, комары 11
Сестре 12
От жизни отойдя в сторонку 13
Адам и Ева изгнаны из рая 14
Дни летят, летят, не уставая 15
Догорали елочные свечи 16
Остановилось солнце надо мной 17
За мной гудок стремительный и грубый 18
Далмация 19
В дороге 20
Тонкий посох в руках 21
Лег черной глыбой 22
Раскрыв тяжелый, старый чемодан 23
На дне морском 24
Год 25
Будут пышны сугробы 26
Деревянной кончил точкой 27
Сизый дым облаков 28
Весна в больнице 29
Песень и ромашка. Убитая птица 30
На серой туче — дерево в цвету 31
Пахло сыростью свежей, грибной 32
В лесу 33
Гроза 34
Лето 35
Белый камень горяч и покат 36

После налета 37
Твердый угол чемодана 38
Зима на Бродвее 39
В Брайант-парке 40
Дом на Манхеттене 41
Забытая газета под скамейкой 42
Мой Тироль 43
Горная порубка 44
Лесная избушка 45
Осень 46
Подушку мха 47
Первый снег 48
Зима 49
Посмотри налево 50
Лужи мягко подтаяли к полночи 51
Моей ели 52
Лавина 53
В Кайзертале синеют пролески 54
Я в лесную часовню зашла помолиться 55
Встреча 56
Клок облака в ущелье на рассвете 57
Там, внизу, в городке счастливом 58
Подберезовик 59
По грибы 60
Горный дождь 61
Лес рубили 62
В последний раз целует ветер горный 63